

Блохин Константин Владимирович*, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра США, Канады и стран Латинской Америки РИСИ.

Американский неоконсерватизм — идеология слабеющего гегемона

Если демократия хороша для нас,
мы должны верить, что она хороша
и для других.

Чарльз Краутхаммер

В течение последнего десятилетия мир меняется на глазах. Казалось, что структура мироустройства, оформившаяся после окончания холодной войны, являлась незыблемой. Сегодня же размышления Френсиса Фукуямы о "конце истории" и всемирной победе либеральной, западнцентричной модели мира¹ уже воспринимаются, скорее, как метафора, слишком далеки они от реальности. На наших глазах "полыхает" Большой Ближний Восток, "канула в лету" Ливия, гражданские войны и политические конфликты разрывают Сирию, Ирак, Йемен. И всё это на фоне паралича международной воли и способности наций урегулировать нарастающие проблемы. Важнейший международный институт — ООН — сегодня в глубочайшем кризисе. Даже гуманитарная катастрофа на Украине не подстегнула мировые державы, постоянных членов СБ ООН к поиску конструктивных решений. Рождается ощущение скованности и бессилия в решении нарастающих проблем, будь то Минск-2 или потрясший основы европейского самосознания иммиграционный кризис. Внешне эти тенденции воспринимаются как нарастающий хаос, как разрушение привычных правил и норм регулирования мировых отношений. Эрозия международной среды, в которой реализуется политика мировых держав, проявляется, по сути, в том, что мир оказался разбалансированным. "Сдержки и противовесы", сложившиеся ещё в годы холодной войны, контролируемое соперничество держав, оказались демонтированными.

Где искать первопричины мирового кризиса?

Принято считать, что корень проблем лежит в политике США по причине её глобального охвата и в той модели отношений, которая сложилась после окончания холодной войны. Контуры нового мирового порядка стали подспудно проявляться после триумфа США в холодной войне,

* constantinos1@rambler.ru

¹ См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, Ермак, 2005.

сопровождавшегося крахом СССР и последующим демонтажем ялтинской системы, обеспечивавшей баланс сил в существовавшей после Второй мировой войны биполярной системе.

В начале 1990-х гг. США становятся единственной гипердержавой, которая обрела невиданную в истории экономическую, технологическую, культурную и военную мощь. Политический истеблишмент США оказался перед дилеммой: либо сокращать возможности своей военной машины и заниматься улучшением демократии у себя дома и, по словам Джин Киркпатрик, становиться "нормальной страной", либо, опираясь на инерционный сценарий использования аккумулированной силы, "заполнить геополитический вакуум", найдя нового врага, объявив претензии на мировое господство.

Очертания нового мирового устройства были определены при республиканских администрациях конца 1990-х — начала 2000-х гг., при которых в той или иной степени стал осуществляться неоконсервативный сценарий глобального мироустройства. Апогей таких усилий во внешней политике США пришёлся на правление администрации Дж. Буша-младшего, окружение которого составляли влиятельные "ястребы"-неоконсерваторы — Д. Рамсфелд, К. Райс, П. Вулфовиц, Д. Чейни. Внешнеполитическая концепция неоконсерватизма сводилась к нескольким ключевым идеям:

- признание США уникальной гиперимперией, в сферу интересов которой входит весь мир;
- установление повсеместного американского доминирования;
- неверие в международные институты и стремление в одиночку менять мир по своим правилам; унилатеризм (односторонность) во внешней политике;
- осуществление либеральной революции, основанной на идее "что хорошо для Америки, хорошо и для остального мира";
- чёрно-белое представление о мире как "поля битвы" демократии и авторитаризма, в основе которого лежала "идеалистическая" оценка действительности: национальным интересам США приписывались нравственные основания.

Логично задуматься, почему такие подходы оказались в повестке дня американской внешней политики? Почему фактор силы оказался определяющим? Почему становление американской гиперимперии совпало с верой в исключительность американских ценностей? Очень часто США называют "империей поневоле", подчёркивая благоприятный для них исторический контекст — распад главного исторического соперника второй половины XX века — СССР и крушение коммунистических ценностей и идеологии. Сознание собственной силы и превосходства либерализма создало у элиты США иллюзию всемогущества, возможности менять мир без оглядки на обстоятельства. Американские политологи называют период начала 1990-х гг. "однополярным моментом", подчёркивая тем самым свою монополию на глобальную власть².

Парадокс истории состоит в том, что доля США в глобальном производстве к 2010 г. стала несопоставимо меньшей, чем в 1945 г. После

² См.: Krauthammer C. Things that matter: three decades of passions, pastimes, and politics. New York: Crown Forum, 2015. P. 322.

Второй мировой войны 50 % мирового производства было сосредоточено в США, а 2010 г. — только 18 %³. Однополярный момент если и был, то только после Второй Мировой войны. "По разным оценкам, в течение трёх ближайших десятилетий китайская экономика выйдет на первое место в мире и существенно превзойдёт американскую (по оценкам Фонда Карнеги ВВП КНР в 2035 г. составит 82 трлн дол. против 44 трлн у США). Последствия этого не заставят себе ждать — произойдёт серьёзная перестройка мировой экономической и валютно-финансовой системы, в которой США будут вынуждены играть подчинённую роль"⁴.

При этом США в начале XXI в. обладали колоссальными военными возможностями. Этот факт и вынудил США приступить к форсированному закреплению своих позиций, *компенсируя силой экономический упадок*⁵.

Соединённые Штаты превратились в экономического карлика с раздутым военным бюджетом. Требовалась безоговорочная система мирового полицейского контроля над миром, который был возможен лишь с принятием американских ценностей, либеральной демократии, этого "идейного дитя" англо-саксонской культуры. Насажение американских "правил жизни" позволили бы, с одной стороны, "дисциплинировать" союзников, "пристегнуть" их к США, возложив на них бремя военных расходов и солидарной ответственности, а с другой — создать легитимную почву для вмешательства в дела суверенных стран под предлогом борьбы за свободу.

Возможности установления американского доминирования способствовали к тому же военная слабость Европы, привыкшей комфортно чувствовать себя под "американским ядерным зонтиком", военно-политический контроль над Японией и относительная военная слабость Китая.

Очень показательна фраза неоконсерватора Бена Ваттенберга, который отмечал, что "американские налогоплательщики никогда бы не расстались с триллионами долларов на холодную войну для создания множества Швеций. Выиграв в холодной войне, США нуждаются в награде за победу в ней. Наступил исторический момент, когда надо „отправиться за золотом“. Надо перестраивать мир так, как это возможно, но по американскому подобию"⁶.

Осуществление "переформатирования" мирового порядка началось с формирования новой внешнеполитической команды, состоящей из неоконсерваторов. По признаю Дж. Киркпатрик, представителя США в ООН при администрации Р. Рейгана, формированию неоконсерватизма способствовало "переформатирование американской элиты", взявшей ещё в конце 1970-х гг. курс на борьбу за установление американского доминирования и завоевание победы в холодной войне. Дж. Киркпатрик вспоминала: "Гарольд Лаусвелл... написал, что революции изменяют коммуникацию и композицию элиты. В США революционные изменения

³ См.: Риз Д. Раненый зверь: Ближний Восток и власть США сегодня // Закат империи США: Кризисы и конфликты. М.: МАКС ПРЕСС, 2013. С. 204.

⁴ Крупяко М.И., Арешидзе Л.Г. США и Восточная Азия. Борьба за "новый порядок". М.: Международные отношения, 2010. С. 8.

⁵ См.: Риз Д. Раненый зверь... С. 204.

⁶ Dorrien G. Imperial designs. Neoliberalism and the New Pax Americana. New York–London, 2004. P. 81.

в композиции и коммуникации правящей элиты начались более чем за десятилетие до того, как Р. Рейган пришёл в Белый Дом, или я пошла в ООН... Но мы этого тогда ещё не осознавали"⁷.

Ключевым фундаментом неоконсерваторов является вера в американскую исключительность, основанную на религиозной вере в американскую демократию и силу, "исключительно американскую силу", посредством которой возможно осуществление проекта мировой "либеральной революции". Между тем, неоконсерватизм не содержит ничего консервативного, пожалуй, кроме одного — американского мессианизма, т. е. силового насаждения либерализма революционными, троцкистскими способами. Один из современных неоконсерваторов — Дж. Муравчик — откровенно обнажил суть неоконсерватизма в афоризме: "Все мы, в сущности, ленинисты!"⁸ В начале 2000-х гг. неоконсервативная команда полностью определяла курс администрации Дж. Буша-младшего.

Первая цель неоконсерваторов — борьба с исламом

"Новым врагом" после распада СССР для неоконсерваторов стал ислам. На протяжении 1990-х гг. американские неоконсерваторы "были в числе тех, кто в конце 1990-х гг. подписал письма, адресованные президенту Клинтону и премьер-министру Израиля Нетаньяху, настаивая на более жёсткой силовой конфронтации с затянувшимся режимом Саддама Хусейна в Ираке"⁹.

Так правые продвигали свои политические "проекты" по удержанию американской гегемонии в мире и переформатированию Ближнего Востока. Тотчас же Норманом Подгорецем, "патриархом неоконсерватизма", издателем праворадикального журнала *Комментарии*, основанного Американским еврейским комитетом, было приготовлено острое "идеологическое блюдо": оригинальный рецепт переформатирования мусульманского мира. Новое историческое сражение, "крестовый поход" против ислама мыслится в категориях метафизической борьбы добра и зла, манихейской непримиримости к исламу, который рисовался адептами демократии в качестве запредельного зла¹⁰. Борьба с "исламофашизмом" (термин Н. Подгореца) в сознании американцев должна была стать равноценной заменой экзистенциальной битве с коммунизмом и нацизмом. Вполне объяснимо откровенное признание Джорджа Фридмана из "частной" разведывательно-аналитической компании Stratfor, финансируемой ЦРУ, что "целью

⁷ Kirkpatrick J. Neoconservatism as a Response to the Counter-Culture // The neocon reader. New York: Grove Press, 2004. P. 237.

⁸ Муравчик Д. Прошлое, настоящее и будущее неоконсерватизма. Ч. 2 // Русский журнал. URL.: <http://www.russ.ru/pole/Proshloe-nastoyashee-i-budushee-neokonservatizma.-CHast-2> (дата обращения: 22.11.2016).

⁹ Бжезинский З. Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М., 2007. С. 141.

¹⁰ См.: Podhoretz N. Word War IV. The long Struggle against Islamofascism. New York: Doubleday, 2007; Реалист Г. Киссинджер подчёркивает неизбежность конфронтации исламского мира "с остальной частью планеты". См.: Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ. С. 140.

США было просто разрушить исламский мир и настроить входящие в него страны друг против друга, чтобы исламская империя больше никогда не возникла"¹¹.

Идеи "переформатирования" Ближнего Востока были активно поддержаны влиятельным еврейским лобби в США¹². Важным мотивом вмешательства США в дела Большого ближнего Востока стало обеспечение безопасности государства Израиль, главного геополитического союзника США в регионе.

Поразительно совпадение интересов израильского лобби и неоконсерваторов. Осознание необходимости обеспечить выживание государства Израиль побуждала неоконсерваторов и израильское лобби активизировать политику США на Ближнем Востоке по демонтажу враждебных Израилю режимов — Ирака, Ирана, Сирии и Ливии. Показательно, но предложения об уничтожении этих государств неоконсерваторы представили руководству США задолго до 11 сентября.

Теоретически однополярная идеология не связана с твёрдым сионизмом, но фактически они идут вместе. Большинство сторонников однополярного мира являются еврейскими неоконсерваторами, которые считают, что произраильская линия отвечает интересам американской политики. Вулфовиц, Перл, Подгорец, Краутхаммер, Ваттенберг, Муравчик, оба Кристола, Каган, Бут и Каплан подходят под эту категорию идеологов, как и десятки неоконсерваторов на всех уровнях власти от администрации Буша-младшего и референтов в Пентагоне до заместителей и советников в Госдепартаменте. Некоторые из них активно работали в Еврейском институте национальной безопасности (JINSA), основанном в 1976 г., который выступал за проведение жёсткой линии в отношении палестинцев и Сирии¹³.

Выбор цели диктовался рядом мотивов. Достижение цели давало США возможность решить целый ряд задач. Прежде всего, контроль над Большим Ближним Востоком создавал благоприятные условия для "дисциплинирования" Европы и Японии, ослабляло этих экономических конкурентов США, ставило в прямую зависимость от поставок энергоресурсов, контролируемых США. Южное "подбрюшье" России также оказывалось под контролем США. "Переформатирование" Ближнего Востока, установление контроля над его "нефтяными полями" давало возможность создать мощный рычаг воздействия на растущий Китай, получавший основные нефтяные ресурсы с Ближнего Востока. Наконец, Ближний Восток превращался в прекрасный "полигон" для отработки различных американских военно-политических сценариев.

Для реализации этого сценария требовалось ликвидировать суверенные светские арабские режимы. В одном случае, поводом для их свержения, — как это было в Ираке, — явилась демонстрация пробирки с химикатом и обвинение Саддама Хуссейна в геноциде, в другом — "помощь повстанцам и оппозиции" (Сирия), в третьем — борьба с терроризмом.

¹¹ Фридман Д. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века. М., 2010. С. 15.

¹² См.: Mearsheimer J., Walt S.M. The Israel lobby and US foreign policy. Penguin Books, 2007.

¹³ См.: Dorrien G. Imperial designs. Neoconservatism and the New Pax Americana. New York–London, 2004. P. 196.

Стоит отметить, что идея "благородной лжи" профессионально отработана как на методологическом, так и на практическом уровне в США.

В своей книге "Четвёртая мировая война" Н. Подгорец советовал Дж. Бушу-младшему: "Режимы, которые давно заслуживают свержения... ни в коей мере не ограничиваются тремя отдельными представителями „оси зла“ (Иран, Ирак, Северная Корея). Как минимум в это число следует включить Сирию, Ливан и Ливию, а также таких „друзей“ Америки, как Саудовская Аравия, Египет Хосни Мубарака и Организация освобождения Палестины"¹⁴.

Результатом подобного рода действий стала дестабилизация Ближнего Востока, ликвидация или устранение сложившегося здесь "политического ландшафта". На наших глазах происходит передел сложившихся границ, под вопросом само существование таких государств как Ирак, Сирия, Ливия, Йемен. Новым политическим феноменом стало появление террористического квазигосударства — ДАИШ, ставшим своеобразным продуктом политики США.

Можно с большой степенью уверенности полагать, что ДАИШ — естественный результат американской разрушительной политики на Ближнем Востоке. Хаотизация Ближнего Востока была целью некоей США. "Прежде всего, мы должны свергнуть террористические режимы, начав с „Большой Тройки“ — Ирана, Ирака и Сирии. После этого мы можем заняться саудовцами... Когда тирании Ирана, Ирака, Сирии и Саудовской Аравии будут низвержены, мы перейдем к прочим... Мы должны обеспечить осуществление демократической революции... Упрочение стабильности — миссия, недостойная Америки, тупиковое направление международной политики. Мы не хотим стабильности в Иране, Ираке, Сирии, Ливане и даже Саудовской Аравии; мы хотим, чтобы положение дел в этих странах изменилось. Вопрос дня состоит не в том, стоит ли дестабилизировать, а в том, как это сделать"¹⁵.

Политическая декомпозиция и реструктурирование Ближнего Востока ещё не завершены, а сами политические процессы, очевидно, будут протекать очень бурно и динамично, во многих аспектах непредсказуемо. Но, тем не менее, резонно задаться вопросом, в какой мере США смогли достичь своих целей. Насколько неоконсервативный проект сработал? Можно предположить, что цели достигнуты лишь частично.

Прежде всего, покорение Ближнего Востока военными средствами оказалось невозможным ещё и потому, что США не могут себе позволить большую наземную операцию. Любые, даже незначительные жертвы американских сил чреваты политическими последствиями для любой администрации США. Использование наземных сил необходимо для установления контроля над территорией и ресурсами. А решение этой задачи не под силу даже гиперимперии, грозит "надорвать" её силы. И. Валлерстайн не без оснований пишет о военном упадке США¹⁶.

Американская политика по демократизации Ближнего Востока и исламского мира в полной мере выявила не только несостоятельность самой неоконсервативной идеи борьбы с "исламофашизмом" и отторжение

¹⁴ Цит. по: Бьюкенен П. Правые и неправые. М., 2006. С. 80.

¹⁵ Там же. С. 78–79.

¹⁶ См.: Валлерстайн И. Ускоренное падение. Наступление эпохи многополярности // Закат империи США: Кризисы и конфликты. М.: МАКС ПРЕСС, 2013. С. 31.

народами привнесённых ценностей, но и обозначило пределы американской мощи. По мнению Дж. Стиглица, США затратили на военную кампанию в Ираке и Афганистане средства от 2 до 3 трлн дол.¹⁷ По подсчётам Д. Миршаймера и С. Волта, войны в Афганистане и Ираке стоили 4 и 6 трлн дол. соответственно, погибли около 7 тыс. американских солдат, более 50 тыс. были ранены¹⁸.

В то же время очевидно, что США сохраняют относительно прочные позиции на Ближнем Востоке. Достаточно сказать, что США опираются на своих влиятельных союзников в регионе — Израиль, Саудовскую Аравию, Турцию, американские базы размещены в странах Персидского залива. Снятие санкций "вводит в игру" Иран, даёт возможность финансово влиять на его политику, делает его более предсказуемым, хотя "ближневосточная партия" США в геополитической игре заметно усложняется.

Успешное проведение ВКС России военной операции в Сирии серьёзно повлияло на ситуацию в регионе. Россия смогла существенно подорвать военные возможности ДАИШ, укрепить власть Б. Асада, послать важный сигнал арабским монархиям о своей поддержке единства САР. Кроме того, демонстрация военных возможностей ВКС стала наглядной демонстрацией эффективности российского оружия, на покупку которого образовалась очередь. Наиболее важным следствием стратегического характера стало то, что Россия продемонстрировала не только глобальный уровень своей внешней политики, но и посредством умелых дипломатических усилий выявила неконструктивность американской дипломатии, крах её политического курса по диктату в международных делах. К этому можно добавить и растущие проблемы США в отношениях с Турцией и Саудовской Аравией.

Борьба США за доминирование на Ближнем Востоке имела долговременные геополитические последствия и для других регионов мира. Мировая гиперимперия оказалась не в состоянии контролировать весь мир, что создало для России уникальный шанс восстановления своего статуса великой державы.

Геополитические просчёты США во многом объяснимы их отходом от традиционной модели изоляционизма, позволявшей довольно длительное время аккумулировать необходимые ресурсы для господства. Как справедливо заметили Д. Миршаймер и С. Уолт, США стали великой державой, не участвуя в войнах за рубежом и строя экономику мирового уровня. Аналогичной стратегии в последние 30 лет придерживается Китай. В то же время Соединённые Штаты потратили триллионы долларов, увязли в бесконечных конфликтах, неуклонно утрачивают своё лидерство. Исторический опыт показал, что США гораздо успешней осуществляют экономическое влияние и мягкую силу, а применение военной силы имеет успех лишь при условии опосредованного вмешательства через третьи страны¹⁹.

¹⁷ См.: *Стиглиц Дж.* Цена неравенства. М.: Эксмо, 2015. С. 279.

¹⁸ См.: *Миршаймер Д. и Уолт С.* Доводы в пользу офшорного балансирования // Россия в глобальной политике. 2016. № 5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Dovody-v-polzu-ofshornogo-balansirovaniya-18344> (дата обращения: 20.11.2016).

¹⁹ Там же.

"Кто потерял Россию?"

Этот вопрос занимал умы американских политологов на рубеже XX–XXI вв., когда для Запада стало очевидным, что Россия не откажется от своей внешнеполитической субъектности, а намерения самого Запада помогать осуществлению рыночных реформ проявилось в довольно циничном и безучастном стороннем наблюдении за коллапсом либеральной трансформации России. России предлагали самостоятельно спастись из трясины глубочайшего системного кризиса, в которой она оказалась в 1990-е гг. Однако холодное безучастие в судьбе демократического транзита России, откровенное игнорирование российских интересов в скором времени сменились на тревогу. В 1990-е гг. был разработан т. н. "план Вулфовица", призванный не допустить реинтеграции бывших советских республик в единое государство. "Страховым полисом" Запада предполагалось сделать Украину, оставив за ней право обладания ядерным оружием.

В проекте У. Кристола и Р. Кейгана "Существующая угроза" (2000 г.), почти через десятилетие после крушения СССР, констатировалось, что Россия, несмотря на ослабленное экономическое положение при падении ВВП на 50 %, остаётся великой силой. "Россия будет озадачивать американскую политику сегодня и в наступающем десятилетии", — констатировал тогда один из авторов проекта Питер Родмен²⁰.

Но и демократическая либеральная Россия вызывала у неоконсерваторов тревогу. "Даже если демократия укоренится в России, Россия останется самой сильной военной державой в Евразии и единственной способной уничтожить США", — отмечал Пол Вулфовиц.

По мере укрепления и восстановления России, выхода из кризисных 1990-х гг. восприятие неоконсерваторами России становилось ещё более агрессивным. Для них В. В. Путин предстал в качестве реставратора Российской империи, его уподобляли Иосифу Сталину и Петру Великому. Путин для восстановления империи, по мнению правых, использовал "нефтяное оружие", которое позволило России в полной мере "обнажить беспрецедентную слабость Европы". Нет сомнения, что американские и европейские санкции, якобы вызванные украинским кризисом, являются результатом фундаментальной установки американской элиты на максимальное ослабление европейско-российских связей и сотрудничества. США, как и прежде использующие военно-политическую слабость Европы, тем более не заинтересованы ни в каких интеграционных проектах на просторах Евразии.

Современные американские неоконсерваторы сегодня высказывают откровенное сожаление, что пропустили момент уничтожения России. Упомянутый Дж. Фридман в своей книге "Следующие сто лет" с горечью отмечает: "Если бы американцы, европейцы и китайцы обрушились на Россию с целью её уничтожения, русский вопрос был бы, наконец, решён. Но в конце XX века европейцы слишком слабы и разобщены, китайцы

²⁰ См.: *Rodman P.W. Russia: The Challenge of a Failing Power // Present dangers. Crisis and Opportunity in American foreign and defense policy. San Francisco, Calif.: Encounter Books, 2000. P. 76.*

слишком замкнуты и поглощены своими внутренними проблемами, а американцы после 11 сентября 2001 г. слишком отвлечены войной с исламистами для того, чтобы действовать решительно"²¹.

Ирония сложившейся ситуации состоит в том, что неоконсерваторы, инициировавшие крестовый поход на Ближний Восток для закрепления позиций проекта RAX Americana, этот проект благополучно и похоронили — распылили свои ресурсы на военные кампании, разработки новых технологий, снабжение военных баз по всему миру и, что самое главное, завязли в сыпучих песках Ближнего Востока. Именно этот момент позволил России получать сверхдоход от экспорта энергоресурсов и концентрироваться на восстановлении былого величия. "Однополярный момент", который провозгласил Чарльз Краутхаммер, утрачен американской элитой безвозвратно.

Именно неоконсерваторы, будучи сплочённой и влиятельной группой в Вашингтоне, активно атаковали "перезагрузку", продекларированную Б. Обамой и Д. Медведевым, решительно выступили против СНВ-3, не менее упорно отстаивая идею американской ПРО. Для правых неоконсерваторов не было более удобной и ненавистной мишени, чем Б. Обама, левый либерал, ставший олицетворением бессилия слабеющего гиганта. Обама с их точки зрения совершил больше, чем преступление, встав на путь "самоумаления" и отказа от "небесного мандата". Обама, будучи реалистом в оценке глобальных возможностей США в первый период своего правления, позволил себе усомниться в американской исключительности. Собственно, акценты президента-демократа были связаны с императивами внутривнутриполитических изменений в стране, он, кажется, осознавал тогда ограниченность американских возможностей. В первый срок президентства Обамы казалось, что неоконсерваторы потерпели исторический крах, а реализм политического мышления взял верх над идеализмом. Что же, однако, произошло с ненавистным для неоконсерваторов Обамой? Украинский кризис, упорство США в проведении санкций, маниакальное стремление ограничить Россию, ревностно-болезненное восприятие российской политики в Сирии, противоборство по всем азимутам мировой политики, знакомая, хотя и несколько неуклюжая в новых условиях риторика об американской исключительности! Полное игнорирование политики балансов в духе киссинджеровской *realpolitik*! Чем объяснить такую трансформацию?

Политический истеблишмент США всё ещё не вышел из состояния эйфории 1990-х гг. Царящая атмосфера манихейского дуалистического восприятия мира с разделением на друзей и врагов в полной мере показывает, что понимание реалий современного мира американским политическим классом идёт очень тяжело, драматично. Имперская исключительность и мессианизм глубоко укоренены в политической культуре США, и потому с такой завидной настойчивостью отторгаются реалистические импульсы жизни. Как-то Элиот Абрамс, один из неоконсерваторов, ёмко заметил, что "если люди скажут, что эта теория (неоконсерватизм. — *Прим. авт.*) исчерпала себя, я бы им ответил: вернитесь к ней через пять лет, и вы

²¹ Фридман Д. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века. М.: Эксмо, 2010. С. 141.

увидите, что следующий президент, принадлежащий какой-либо партии, придерживается того же политического курса. Если же вы этого не увидите, то у вас просто нет внешней политики"²².

Надо признать, что, выражаясь словами Дж. Кирпатрик, "реформирования", по крайней мере части американской элиты, при Обаме не произошло. Неоконсерватизм с его "идеалистической" установкой насаждения либеральных революций остаётся не только господствующей школой внешней политики США, но её определяющей идеологией, несмотря на скромные попытки изоляционистов в лице Дональда Трампа манифестировать альтернативные внешнеполитические подходы.

Судя по всему, отношения России и США ещё какое-то (возможно, длительное) время будут находиться в "режиме балансирования на грани". Агрессивность американского внешнеполитического курса по отношению к России останется неизменной константой на довольно продолжительное время, ведь иначе придётся признать, что США не имеют внешней политики.

Вызов Китая

Китай, ставший в кратчайшие исторические сроки сверхдержавой, превратился в вызов для американских геополитических интересов. В США ревностно следят за любыми попытками координации внешней политики РФ и КНР. Не приемля "авторитаризм" обеих держав, неоконсерваторы видят в них идеологическую угрозу ценностям либерального миропорядка. Вместе с тем КНР представляет опасность для США и по другим резонам.

Во-первых, это растущая экономическая мощь Пекина. Достаточно привести лишь несколько фактов. К. Брутенц справедливо отметил, что причиной экономических успехов китайской экономики стало создание эффективной экономической модели. "Модель действий США за последние 20 лет показала, что она менее эффективна по сравнению с той, которую использовали все азиатские страны"²³. Показатели эффективности КНР впечатляют. В 2009 г. Китай обогнал по производству автомобилей признанную автомобильную державу мира — Соединённые Штаты и стал крупнейшим автомобильным рынком. Объём продаж автомобилей в КНР превысил американский уровень²⁴. Показательна динамика расходов на науку и НИОКР, которые в 2010 г. составили 2,1 % ВВП. По абсолютной величине этих расходов Китай, опередив Германию, вышел на третье место после США и Японии. Китай обошёл США и в такой сфере высоких технологий, как производство компьютеров. КНР обладает весьма значительным парком суперкомпьютеров, занимая второе место после США²⁵.

²² См. об этом: *Блохин К.В.* СССР во внешнеполитической доктрине и практике американских неоконсерваторов в 1950-е гг. // Вестник РУДН. Серия "Международные отношения". 2013. № 1. С. 39–44.

²³ *Брутенц К.Н.* Великая геополитическая революция. М.: Международные отношения, 2014. С. 280.

²⁴ Там же. С. 305.

²⁵ Там же. С. 314.

Во-вторых, Китай сегодня активно формирует геополитические предпосылки, чтобы обезопасить себя от военно-стратегических угроз США. Создание Китаем "нового Шёлкового пути" призвано не только объединить Евразию, но и освободиться от "морской торговли", от которой Китай так зависим и которая является весомым рычагом давления Вашингтона на Пекин.

"Достаточно заблокировать морскими минами подходы к Шанхаю, Йокагаме или к Бомбею, чтобы парализовать экономическую деятельность Китая, Японии или Индии. Железнодорожные пути торгового сообщения не только не пригодны для островной Японии, но и мало что значат для материкового Китая или Индии. Жизненно важным для стран Восточной Азии морским путём является Малаккский пролив, так как через него идёт торговый обмен всех региональных держав с Европой, а также доставка импортируемой с Ближнего и Среднего Востока нефти"²⁶.

Американские эксперты с тревогой размышляют о китайской экономической стратегии. "Это глобальный контекст, в котором Китай предложил связать всю евразийскую сушу сетью дорог, железнодорожных путей, трубопроводов, телекоммуникационных линий, портов, аэропортов и зон промышленного развития. Если будет реализована китайская инициатива Один пояс—один путь (ОПОП), появится гигантское пространство экономического и межкультурного обмена, снизятся барьеры для международного сотрудничества в зоне, объединяющей 65 стран, где проживает 70 % населения планеты и производится более 40 % мирового ВВП. Эти страны обеспечивают более половины нынешнего экономического роста в мире. Оценочная стоимость проектов, уже существующих на бумаге, по меньшей мере, в 11 раз превышает стоимость плана Маршалла"²⁷.

В этом случае Вашингтон пытается использовать традиционную стратегию — принцип "анаконды" с целью сдерживания Китая и предотвращения его "просачивания" в регионы, богатые природными ресурсами.

Экономическая мощь КНР позволяет ей наращивать военные расходы. Сегодня КНР в состоянии бросить военно-политический вызов США, о чём свидетельствует нарастание военного противоборства в Южно-Китайском море. Китай недвусмысленно заявил о поддержке России в сирийском кризисе. Рост военных амбиций КНР в значительной степени объясним нарастающим давлением США. "Фактором, сближающим РФ и КНР, в данное время является возрастающее давление на Китай со стороны США, которые не согласны менять действующую модель мирового управления. Для реализации региональных и глобальных амбиций Пекину нужны союзники. В этих условиях Россия представляет надёжного партнера по поставкам сырья, она не намерена терпеть мировую гегемонию США"²⁸.

²⁶ *Крупяно М.И., Арешидзе Л.Г.* США и Восточная Азия. Борьба за "новый порядок". М.: Международные отношения, 2010. С. 90.

²⁷ *Фриман Ч.* Всё рухнет // Россия в глобальной политике. 2016. № 5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vse-rushitsya-18345> (дата обращения: 20.10.2016).

²⁸ См.: *Се Чжэнчжэнь.* Влияние американского фактора на китайско-российские отношения в постбиполярный период (1991–2015 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 24.

Нельзя сказать, что американская политическая элита не ищет путей решения "проблемы Китая". США готовы смириться с фактом сверхдержавности КНР, предложив ему модель новой биполярности-G2, по существу договорившись с Пекином о разделе мировых сфер влияния. Проект "Кимерики" предложенный Э. Бжезинским, по своей сути был направлен против России и предполагал американо-китайский альянс. Этот проект был отвергнут Ху Цзинтао, поскольку он увеличивал риски изоляции КНР от развивающихся стран и предполагал сохранение лидирующих позиций США²⁹.

В политической элите США существует и другой подход, сформулированный неоконсервативными кругами.

Эксперты корпорации РЭНД (Research and Development Corporation), весьма близкие к неоконсам, подчёркивают необходимость сохранения военно-стратегического преимущества над ВС КНР в западной части Тихого океана, включая Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря. "Для этого Вашингтон должен повышать свои военные возможности, сохранять региональные оборонные союзы и уверенно отвечать на появляющиеся вызовы"³⁰.

Осознание экзистенциальной угрозы и перспективы создания китаеццентристского блока в Азии во главе с КНР с тревогой высказаны Г. Киссинджером: "Некоторые американские теоретики в области стратегического мышления заявляют — китайская политика преследует две долгосрочные цели: во-первых, сместить Соединённые Штаты с господствующего места в западной части Тихоокеанского региона; во-вторых, сформировать в Азии блок, подчиняющийся исключительно китайским экономическим и политическим интересам"³¹. Несовместимость интересов конкурирующих держав дипломат видит и в идеологических аспектах. Показательны признания Роберта Каплана, одного из признанных "ястребов": "Амбиции Китая простираются гораздо дальше российских, но вызывают меньшее беспокойство на Западе, потому что реализуются более элегантно. Если Путин отправил голову в масках с автоматами на восток Украины, то Си наращивал агрессию мелкими шагами, так что Соединённым Штатам было безумно трудно адекватно реагировать на неё, не перегнув палку. Китай и Россия могут заключить тактический союз, основанный на совместимых авторитарных системах, нацеленный на управление приграничными областями и противостоящий Западу"³².

В американской политологической мысли неизбежность конфликта с Китаем в XXI в. является почти аксиомой. Очевидно, что геополитический баланс очень подвижен, но время едва ли играет на США. Не менее очевидно и то, что влияние какой-либо из держав будет определяться перевесом в ресурсной базе, военном потенциале и умелом использовании дипломатических средств. В этой связи ключевым игроком в новой

²⁹ См.: *Брутенц К.Н.* Указ. соч. С. 325.

³⁰ Там же. С. 355.

³¹ *Киссинджер Г.* О Китае. М.: Аст. 2015.

³² *Каплан Р.* Грядущая анархия в Евразии // Россия в глобальной политике. 2016. № 3. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Gryaduschaya-anarkhiya-v-Evrazii-18146> (дата обращения: 20.10.2016).

геополитической "Большой Игре" между Китаем и США объективно становится Россия, обладающая не только колоссальным ресурсным потенциалом, но и весомой военной мощью. Провоцируя Россию и сдерживая Китай, вашингтонские "эксперты" сами весьма безыскусно выстраивают против себя антиамериканский альянс, ускоряя процесс создания российско-китайского блока. Процесс формирования многополярного мира идёт с нарастающей интенсивностью и, похоже, уже необратим. "Переформатирование" мировых сил и конструирование новой мировой архитектуры в скором времени по-новому поставит вопросы об альянсах и союзах. И нет сомнения, что в этой архитектуре Россия займёт весьма важное, если не решающее место.

Ключевые слова: *однополярный и многополярный мир – неоконсерватизм – внешняя политика США – "переформатирование" Ближнего Востока – "либеральная революция" – израильское лобби – российско-китайский альянс.*

Keywords: *unipolar and multipolar world – neoconservatism – the U.S. foreign policy – reformatting of Middle East – the Liberal Revolution – pro-Israel lobby – Russian-Chinese alliance.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бжезинский З.* Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М., 2007. 237 с.
2. *Блохин К.В.* СССР во внешнеполитической доктрине и практике американских неоконсерваторов в 1950-е гг. // Вестник РУДН. Серия "Международные отношения". 2013. № 1. С. 39–44.
3. *Брутенц К.Н.* Великая геополитическая революция. М.: Международные отношения, 2014. 688 с.
4. *Бьюкенен П.* Правые и неправые. М.: АСТ, 2006. 348 с.
5. *Валлерстайн И.* Ускоренное падение. Наступление эпохи многополярности // Закат империи США: Кризисы и конфликты. М.: МАКС ПРЕСС, 2013. С. 19–33.
6. *Каплан Р.* Грядущая анархия в Евразии // Россия в глобальной политике. 2016. № 3. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Gryaduschaya-anarkhiya-v-Evrazii-18146> (дата обращения: 20.11.2016).
7. *Киссинджер Г.* Мировой порядок. М.: АСТ, 2015. 511 с.
8. *Киссинджер Г.* О Китае. М.: АСТ, 2015. 635 с.
9. *Крупянок М.И., Арешидзе Л.Г.* США и Восточная Азия. Борьба за "новый порядок". М.: Международные отношения, 2010.
10. *Мишаймер Д. и Уолт С.* Доводы в пользу офшорного балансирования // Россия в глобальной политике. 2016. № 5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Dovody-v-polzu-ofshornogo-balansirovaniya-18344> (дата обращения: 20.11.2016).
11. *Муравчик Д.* Прошлое, настоящее и будущее неоконсерватизма. Ч. 2 // Русский журнал. URL.: <http://www.russ.ru/pole/Proshloe-nastoyashee-i-budushee-neokonservatizma.-SNast-2> (дата обращения: 20.11.2016).
12. *Риз Д.* Раненый зверь: Ближний Восток и власть США сегодня // Закат империи США: Кризисы и конфликты. М.: МАКС ПРЕСС, 2013. С. 203–220.
13. *Се Чжэнчжэнь.* Влияние американского фактора на китайско-российские отношения в постбиполярный период (1991–2015 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2016.

14. *Стиглиц Дж.* Цена неравенства. М.: Эксмо, 2015. 508 с.
15. *Фриман Ч.* Всё рушится // Россия в глобальной политике. 2016. № 5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vse-rushitsya-18345> (дата обращения: 20.11.2016).
16. *Фридман Д.* Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века. М.: Эксмо, 2010. 334 с.
17. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ, Ермак, 2005.
18. *Dorrien G.* Imperial designs. Neoconservatism and the New Pax Americana. New York–London, 2004.
19. *Kirkpatrick J.* Neoconservatism as a Response to the Counter-Culture // The neocon reader. New York: Grove Press, 2004. P. 237.
20. *Krauthammer C.* Things that matter: three decades of passions, pastimes, and politics. New York: Crown Forum, 2015.
21. *Mearsheimer J., Walt S.M.* Walt The Israel lobby and US foreign policy. Penguin Books, 2007.
22. *Podhoretz N.* Word War IV. The long Struggle against Islamofascism. New York: Doubleday, 2007.
23. *Rodman P.W.* Russia: The Challenge of a Failing Power // Present dangers. Crisis and Opportunity in American foreign and defense policy. San Francisco, Calif.: Encounter Books, 2000. P. 76.